

"Старый профессор на самом деле легендарный Лю Даоксиан?"

"Этот одноклассник не только так научился, но у него даже такой высокий IQ, что он сразу догадался обо всем этом!"

"Я не ожидал, что анекдот о молодости старого профессора Ци, который был широко распространен всеми, на самом деле будет правдой"!

По мере того, как студенческая болтовня становилась громче, тело старого профессора дрожало еще сильнее, как будто оно вот-вот взорвется.

В ответ на это Цзи Фа была несколько нетерпима, запирая браузер еще крепче, надавливая руками вниз и громко произнося: "Все, пожалуйста, тихо".

Все студенты молоды и имеют неуправляемый нрав, а некоторые из них никогда не обращают внимания на чужие междоусобицы, когда разговаривают. Если бы Цзи Фа так кричал на своём месте ученика в обычное время, никто бы его не побеспокоил, и шум в классе ничуть не уменьшился бы.

Но теперь, Цзи Фа дважды подряд не справляется с нападением старого профессора на конфуцианство, и даже с его мудростью, он первым угадает истинную личность старого профессора, которая была замечена многими студентами, и даже тайно принята многими девушками из-за его привлекательной внешности. Так что в такой ситуации, когда Цзи Фа попросил всех соблюдать тишину, занятия проходили тихо в течение очень короткого времени.

Глаза людей упали на Чжи Фа с предвкушением в глазах.

После серии разговоров и столкновения знаний, только что произошедших, Цзи Фа уже ярко сиял в глазах толпы. Ученики и даже руководство школы в последнем ряду с нетерпением ожидали увидеть, что еще может сделать для нас Цзи Фа.

Только, к своему удивлению, вместо того, чтобы представить блестящую картину с резкими словами, Кифа сделал что-то, что было бы большой каплей в ведро... лук.

Вставая со своего места, Чжи Фа дал глубокий поклон старому профессору на подиуме.

Шумиха в классе росла.

Хонг Чанг Чанг был благословлен ясным видением.

У старого профессора все еще был яростный взгляд, и дрожь его тела не прекращалась.

Ван Сяобэй смотрел на Цзи Фа в загадке.

Дуанмуфенг смеялся над Цзи Фа.

Цзи Фа не заботился о взгляде тех, кто стоял в стороне, выпрямил своё согнутое тело и медленно сказал: "Этот лук только что, я собираюсь извиниться перед профессором Лю". С точки зрения возраста, я должен называть профессора Лю дедушкой; с точки зрения статуса, я лишь более позднее поколение, но профессор Лю является профессором старейшин.....

Проснувшись, я опровергла лицо профессора Лю перед таким количеством одноклассников и руководителей школ, что само по себе грубо".

"Какой бы ни была цель моих слов и действий, будет ли результат хорошим или плохим, он теоретически непослушный". Поэтому этот поклон должен быть моим поклоном, и это извинение должно быть моим словом".

Услышав, как Чжи Фа извинился за внезапный поклон, вокруг него тут же раздался шум.

Не ожидая этого, Цзи Фа не продолжал нападать на старого профессора, очернившего конфуцианство острыми словами, а вместо этого принес старому профессору извинения с отправной точкой уважения к старшим.

"Думал, что он снова пытается подарить нам прекрасную беседу, не думал, что собирается извиниться перед старым профессором?"

"Хороший парень, хорошая работа! То, что он сделал, я за! В конце концов, профессор Лю все равно остается старшим, несмотря ни на что, и если этот одноклассник продолжает падать ему на лицо, то он, напротив, не достоин уважения"!

"Разве вы, ребята, не понимаете, что этот одноклассник очень симпатичный? Мужчина настолько красив, что не только научился, но и умеет двигаться вперед и назад, и умеет быть вежливым, действительно не уступает некоторым трофейным мужским звездам. Я уже поражена им! Он действительно красавчик!"

Ван Сяобэй смог успокоиться на этот раз, и не вскочил в возбуждение, а просто улыбнулся сладкой улыбкой на лице, тихонько сидя на сиденье, подпирая стул обеими руками, изогнул голову, чтобы посмотреть на Цзи Фа, его глаза необыкновенно яркие.

Брат Ки-хае оказался даже лучше, чем я думал, и так как это я привел его в класс, всегда казалось, что люди делали мне комплименты, когда делали ему комплименты, такие счастливые. Ван Сяобэй думал мило.

Хонг Чаншэн, который сидел в последнем ряду, также уловил нечто странное в его глазах.

Если раньше выступление Цзи Фа мог похвалить только Хон Чансюэ, то теперь этого было достаточно, чтобы Хон Чансюэ оценил его от всего сердца.

Увидев Хун Чансюэ с восхищением, директор Ян спросил: "Вы восхищаетесь этим молодым человеком?"

Хун Чансюэ засмеялся и сказал: "В этом мире есть четыре вида людей". Первый тип людей превосходит по добродетели и таланту; второй тип людей превосходит по добродетели и таланту; третий тип людей отвергает в добродетели и таланте; четвертый тип людей опасен в добродетели и таланте. Если молодой человек просто талантлив и мужественен, полон доброжелательности и нравственности, но ведет себя так, что его слова не совпадают с его словами, даже если он талантлив, то это опасная вещь, которую никто не осмелится использовать. Но этот молодой человек не только талантлив и мужественен, но и обладает хорошим моральным обликом и перед столькими людьми приносит извинения профессору Лю. Разве это не...

?"

Добродетельная и талантливая, меритократия.

Добродетельный, но не талантливый, лоскутный.

Ни добродетели, ни таланта, ни лома.

Талантливый, но не добродетельный, опасный товар.

Кифа, Премиум тоже.

В первый раз он был студентом Университета Гонконга, он был очень хорошим студентом в Университете Гонконга. Очень важно знать, что человек может помочь вам, где бы вы ни жили.

Старый профессор на трибуне, очевидно, не ожидал, что Нора поклонится ему и извинится, и вместо того, чтобы остановиться, его дрожащее тело стало еще более жестоким.

Просто старый профессор, в то время как его тело яростно дрожало, не разговаривал, а просто стоял на подиуме, выглядя немного одиноко и немного жалко.

Дискуссия постепенно прекратилась, и старый профессор, стоявший на подиуме, казалось, "выжил из ума".

Не зная, сколько времени прошло, внезапно с трибуны поднялся вздох.

Тело профессора Лю перестало дрожать, но и дыхание, и уровень рахита в его фигуре заставили почувствовать себя так, как будто в этот момент ему исполнилось десять лет.

"После десятилетий любви-ненависти, что вы, маленькие ребята, знаете?"

Старый профессор поднял голову, его поведение было немного дрожащим, и его голос, хотя и спокойный, казалось, нес в себе некоторую истерику.

Он смотрел на Норифу, как на рычащего, и в конце концов не издавал ни звука.

Он снова вздохнул и медленно положил книгу на свой стол, его бледные, темно-коричневые руки дрожат слегка.

"Я не могу дотянуться до него, я не могу дотянуться до него, я не могу дотянуться до него, теперь я хуже, чем его ученики."

Голос профессора Лю постепенно распустился.

Профессор Лю боролся за то, чтобы повернуть свое тело, его боковое тело выглядело исключительно шатким в глазах толпы.

Цзи Фа хотел что-то сказать, но обнаружил, что не может открыть рот, и посмотрел на безлюдную фигуру профессора Лю, чувствуя себя немного грустно.

Лю Даоксян снова вздохнул и вздрогнул с подиума и в сторону внешнего мира, его рот все еще скорбно скандировал: "Где яркость... где яркость... где яркость...".

Когда я увидел это в первый раз, я был очень счастлив увидеть это, и я был очень счастлив увидеть это.

(конец главы)

<http://tl.rulate.ru/book/40231/892109>